

Наталья Аристова
Пасьянс
Марии Медичи

Наталья Михайловна Аристова Пасьянс Марии Медичи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68057879

SelfPub; 2022

Аннотация

"Нет, жаловаться ей не на что. У нее хорошая работа, благоустроенный дом, все так удобно налажено... Ольга Викторовна поджала губы и накинула шаль. Стало как-то прохладно, и она для обогрева зажгла и приоткрыла газовую духовку. По телевизору что-то наяривал оркестр народных инструментов, и балалаечные трели, как мухи, кружились по кухне..."

Маленькая зарисовка о женском одиночестве и не только.

Наталья Аристова

Пасьянс Марии Медичи

All the lonely people —

Where do they all come from?

All the lonely people —

Where do they all belong?

(The Beatles)

И снова: раз, два, три. Ничего. Четыре. Король. Пять. Шесть, семь, восемь... Валет и семерка червей. Туз...

Пасьянс не сошелся опять. Зараза, ну хоть бы разочек! Вот гадская специфика – можно сколько угодно просиживать над картами, плакать, ругаться или молиться... Но он, сволочь, вряд ли поддастся – за него эта подлая теория вероятности. Одно утешение, что самой Марии Медичи везло не намного больше – для нее за всю жизнь исключение было сделано дважды: накануне свадьбы и перед самой кончиной. Два самых больших события, любовь и смерть.

Тасуя колоду, Ольга Викторовна представила себе молодую Медичи в подвенечном платье, в церкви... ...В холодном воздухе собора плавают сотни и тысячи свечей, но они своими нежными коготками лишь неглубоко процарапывают мрак. Красавица Мария, эффектно подсвеченная живым огнем, стоит с женихом у алтаря; за ними и вокруг напыщен-

ные придворные, за оградой – любопытная толпа... Деловитый священник напрягся под тяжестью высокой миссии, но голос его величествен и тверд. Убранство церкви, одежды приближенных, сама церемония – все сияет показным великолепием. Толпа ликует, радуясь новому празднику...

Семь, валет, восьмерка. Дама. Черва и черва. Десятка. Туз...

...А потом она овдовела; бедная королева – простоволосая, в ночной бесформенной робе, рыдает над телом убитого супруга... И рядом никого из родных, никакого защитника, лишь голодная до зрелищ свора приближенных – злорадных, бесчувственных людей... Очередной раз смешав карты, Ольга Викторовна зажгла газ под чайником. Хороши по-своему эти маленькие кухни – все можно делать прямо не вставая со стула.

Пока ледяное содержимое чайника превращалось в спасительный кипяток, пасьянс не сошелся еще три раза. Ольга Викторовна переложила стопку карт из левой руки на стол, а вместо нее взяла чашку и стала изредка прихлебывать постепенно остывающую жидкость. Одной рукой играть было медленнее, но уютный сладкий чай делал процедуру почти приятной. Несколько раз приходилось ставить чашку, чтобы как следует стасовать, но затем порядок восстанавливался. Ольга Викторовна не спеша допила остывший чай и пошла полоскать горло. У нее была ангина.

Вернувшись, она включила радио, чтобы разбавить пу-

стоту. Передавали прогноз погоды, затем заиграла музыка... Музыка ей не понравилась, но это было неважно. Вымыв чашку, она снова села за стол и взяла в руки карты. Что бы еще разложить? Открытая косынка уже сегодня вышла, и могила Наполеона, и тот, без названия, где все карты ложатся веерами по три... И даже четыре туза! На свете не так много хороших пасьянсов.

Со вздохом принялась она снова за Медичи, и опять засустились на столе короли, дамы, тузы и десятки... Бессчетное количество раз, на протяжении многих лет пыталась она по нехитрому алгоритму сложить все карты из беспорядочного расклада в одну аккуратную стопку – сделать их этажами монументального здания с маленьким одноэтажным флигелем-пристройкой. Но вместо этого «домов» вечно оказывалось пять, восемь или двадцать три... Сколько угодно, но всегда слишком много.

И все-таки она настойчиво продолжала – дело, начатое столько лет назад, хотелось довести до конца. Ольга Викторовна уже толком и не помнила, когда именно подцепила эту заразу. Точно, что жила она тогда с родителями, и даже еще не мечтала о собственном жилье. Квартира двадцатилетней Оленьке досталась по большому везению – дали от завода через добрый десяток лет после того, как в целом по стране такие программы были закрыты. Первые годы все ждали, что у нее заведется какой-нибудь муж... Потом ждать перестали. Сама Ольга в такое счастье, как собственный муж, не вери-

ла никогда. Хотела одно время ребенка, да так и прожила с этим хотением, пока не закончились ее молодые годы.

Нет, жаловаться ей не на что. У нее хорошая работа, благоустроенный дом, все так удобно налажено... Ольга Викторовна поджала губы и накинула шаль. Стало как-то прохладно, и она для обогрева зажгла и приоткрыла газовую духовку. По телевизору что-то наяврил оркестр народных инструментов, и балалаечные трели, как мухи, кружились по кухне. Ольга Викторовна прополоскала горло еще раз и выключила радио. Стало как-то легче, и даже карты ложились теперь шустрее. Интересно, о чем думала Медичи перед смертью? Особенно когда пасьянс сошелся? Это удвоило ужас? Или наоборот, помогло смириться?

...Вот она полусидит на роскошной постели в сыроватой каменной комнате. Не до конца зашторенное окно висит между полом и потолком, как прекрасная картина с обрывком живого пейзажа. Но попадающий сквозь него свет не рассеивается по комнате и не освещает ее, а так и лежит на полу ленивым прямоугольником, как будто ждет хозяина, который поднял бы его, встряхнул и заставил осветить дом. Но Марии не до того. Рядом с ней хлопочет о чем-то служанка; она со страхом обслуживает всеми забытую королеву и то и дело, взглянув на нее, украдкой крестится...

Боль в горле отступила; в кухне стало теплее, и настроение у Ольги Викторовны явно улучшилось. Она продолжала автоматически перекладывать карты, нашептывая любимую

песню:

Бывает все на свете хорошо,
В чем дело – сразу не поймешь.
А просто летний дождь пошел,
Нормальный летний дождь...

Во втором куплете перед ее глазами неожиданно предстал одинокий путник, который в зимнем лесу судорожно перекидывает снег – «фиалку я под снегом отыщу»... Она споткнулась и осеклась – это сколько же надо работать лопатой! И вообще, разве фиалки растут везде? И они выживают под снегом? Что-то тут не...

Но не успела Ольга Викторовна всерьез задуматься над этой несурaziцей, как ее внимание резко полыхнуло обратно к пасьянсу. Не считая одной карты в левой руке, все остальные волшебным образом сложились в желанный домище с пристройкой. «А эту карту, лишнюю – в помойку!» – вспомнила она старую шутку, но ей было не смешно. Ольга Викторовна помедлила. Все сейчас зависело от этой последней карты.

«Пика, – задумала она, – Должна быть пика. Или любая восьмерка.» Что-то внутри нее подзуживало: «Давай, ну давай, это будет пика и он выйдет... Сегодня такой день, вышла же могила Наполеона с первого раза... и четыре туза тоже!» Другая половина сопротивлялась: «Нет, не выйдет. Так было

много раз. Тем более, не сегодня. Это невозможно! Сегодня уже вышли четыре туза...»

Отцепившись от этих голосов, Ольга Викторовна открыла карту. Король пик. Руки ее сами закончили игру. Бывшая пристроечка стала верхним этажом здания, а последняя карта заняла ее место. Все. Дело сделано. Ольга Викторовна аккуратно сложила карты в коробочку и выключила духовку.

Сейчас уже трудно сказать, в какой момент она приняла решение. Оно и было, и в то же время не было спонтанным. Ольга Викторовна приняла душ, ведь впервые ее должны были коснуться чужие руки. Она надела чистое белье, хотела накрасить ресницы, но передумала. Села за письменный стол, выдвинула ящики. Вынула все бумаги, сложила их в мешок и вынесла на помойку, прихватив заодно и мусорное ведро. Вернувшись, по привычке заперла дверь, но тут же снова открыла. Зачем же затруднять доступ... она не знала точно, кому.

Напоследок Ольга Викторовна протерла пол в коридорчике, затем причесалась и вышла, наконец, на балкон. Далеко внизу черными дырами казались лужи на асфальте. Между ними степенно паслись голуби. В тени под чьей-то машиной дремала кошка. Где-то неподалеку бубнил пьяный мужской голос.

«Если только рядом нет детей», – подумала Ольга Викторовна и еще раз внимательно оглядела двор...

Детей поблизости не было.